

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 33

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Санкт-Петербург
2019

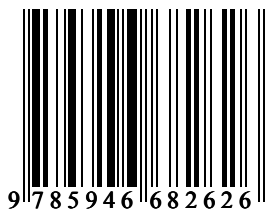
УДК 821.161.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 1
В81

Издание основано в 1962 году

Редакционная коллегия:
А. Ю. Балакин (*ответственный редактор*),
М. Н. Виролайнен, Е. Е. Дмитриева

Рецензенты:
А. В. Дубровский, С. И. Панов

ISBN 978-5-94668-262-6

© Авторы статей, 2019
© Пушкинская комиссия РАН, 2019

I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

А. В. КУРОЧКИН

КТО КУПИЛ БРИЧКУ ПУШКИНУ?

Комментарий к письму поэта к Н. Н. Гончаровой
от 20 июля 1830 г.

Вся пушкинская жизнь, так или иначе, связана с путешествиями. Поэт привык к непредсказуемости русской дороги. Так, с трудом добравшись из Москвы до Михайловского, Пушкин жаловался С. А. Соболевскому в письме от 9 ноября 1826 г.: «8 дней был в дороге, сломал два колеса и приехал на перекладных» (XIII, 302). И в тот же день поэт сетует в письме к князю П. А. Вяземскому: «...сломались у меня колеса, растрясенные в Москве другом и благоприятелем моим г. Соболевским» (XIII, 304). Обратная дорога также не сулила доброго пути. Об этом Пушкин писал В. П. Зубкову 1 декабря 1826 г.: «...5 à 6 jours que je suis parti de mon maudit village en перекладная — vu les chemins détestables. Les ямщик de Pskov n'ont eu rien de plus pressé que de me verser, j'ai le côté foulé, la poitrine malade, je ne puis respirer...» (XIII, 311).¹

Пушкина все чаще посещают мысли об оседлой жизни, наступлению которой могла бы способствовать женитьба. В 1829 г. в стихотворении «Дорожные жалобы» он задается вопросом:

Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,

¹ «...выехал 5—6 дней тому назад из моей проклятой деревушки на перекладной, из-за отвратительных дорог. Псковские ямщики не нашли ничего лучшего, как опрокинуть меня; у меня помят бок, болит грудь, и я не могу дышать...» (франц.; XIII, 562).

То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком? (III, 177)

В следующем году мечты поэта начинают сбываться: Н. Н. Гончарова официально становится его невестой. Однако перед женитьбой он должен был уладить имущественные дела с родителями. Для этого 16 июля 1830 г. Пушкин отправился из Москвы в Петербург. И в эту поездку ему было на что жаловаться. Комфортным могло бы стать для Пушкина путешествие в собственном дорожном экипаже, но с ним поэту не повезло. 20 июля, на следующий день по прибытии в Северную столицу, Пушкин писал невесте: «Mon voyage a été ennuyeux à périj. Никита Андреевич m'avait acheté un бричка qui s'est brisé à la première station — je l'ai rajusté avec des épingles — à la seconde c'était à recommencer — ainsi de suite. Enfin j'ai trouvé à quelques verstes de Novgorod votre В<севоложский> <?> dont la roue était brisée. Nous avons achevé le voyage ensemble en parlant beaucoup des tableaux du prince G<alitzine>».²

Подлинник этого пушкинского письма не сохранился. В большом Полном академическом собрании сочинений оно воспроизведено по тексту издания писем поэта к невесте, осуществленного М. Л. Гофманом и С. Лифарем в Париже в 1935 г.,³ с предположительным указанием имен, которые были зашифрованы в копии, использованной для публикации. В свете подготовки нового Полного собрания сочинений Пушкина комментарий к данному письму требует уточнения.

О каком Всеволожском пишет Пушкин? В издании пушкинских писем к жене, вышедшем в серии «Литературные памятники», попутчиком поэта назван Николай Сергеевич Всеволожский.⁴ Его же указывает и Л. А. Черейский.⁵ Имя Николая Сергеевича Всеволожского (1772—1857), историка и библиофила, владельца типографии, было широко известно в Москве. Он являлся автором «Географического и исторического словаря Российской империи»,

² «Мое путешествие было скучно до смерти. Никита Андреевич купил мне бричку, сломавшуюся на первой же станции, — я кое-как починил ее при помощи булавок, — на следующей станции пришлось повторить то же самое — и так далее. Наконец, за несколько верст до Новгорода я нагнал вашего В<севоложского> <?>, у которого сломалось колесо. Мы закончили путь вместе, подробно обсуждая картины князя Г<олицына>» (франц.; XIV, 102, 413).

³ Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой. Юбилейное издание 1837—1937. Париж, 1935. С. 29.

⁴ Пушкин А. С. Письма к жене / Под ред. и с примеч. Я. Л. Левкович. Л., 1986. С. 199 (словарь имен), 250 (указатель имен). (Литературные памятники).

⁵ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1989. С. 83.

вышедшего в Москве в 1813 г. и — вторым изданием — в 1823-м. Двухтомное издание 1823 г. имелось в библиотеке Пушкина.⁶

В примечаниях к десяти tomному собранию сочинений поэта дается иной комментарий: «*Всеволожский* — поклонник Натали Николаевны»,⁷ без каких-либо дополнительных сведений о нем.

Выдвинутые предположения кажутся маловероятными. С большей уверенностью попутчиком Пушкина можно считать Никиту Всеволодовича Всеволожского (1799—1862), с которым поэта связывали давние приятельские отношения. Поэт знал Всеволожского по службе в Коллегии иностранных дел и как участника общества «Зеленая лампа». В именном указателе к «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» дана глухая ссылка на Н. В. Всеволожского, как на упомянутое в письме поэта лицо.⁸ Однако в свете расхождения с комментариями «Летопись» не приводит какого-либо обоснования этому. Восполним данный пробел.

В дороге между путешественниками завязался разговор о «живых картинах» на балу у Московского генерал-губернатора князя Д. В. Голицына. Поэт их не видел и интересовался подробностями: в «ожившей картине» Пьера-Нарцисса Герена «Эней сообщает Дидоне о гибели Трои» сестру Дидоны представляла Натали Гончарова. Никита Всеволожский лучше других мог рассказать об этом Пушкину. В самом деле, он вместе со своим сослуживцем по Московскому главному архиву Коллегии иностранных дел А. Я. Булгаковым выступил организатором и участником действия. Музыкант и театрал, весельчак Всеволожский идеально подходил на роль устроителя массовых представлений. «Всеволожский Никита <...> пресмешной и приятный для общества, славно играет комедию»,⁹ — так охарактеризовал его Булгаков в письме к брату от 9 сентября 1829 г. Он же 1 декабря 1829 г. в другом письме тому же корреспонденту писал о деятельном участии Всеволожского в подготовке «живых картин»: «Мы хотим что-нибудь свое выкинуть; ужо будет к нам <...> Всеволожский; мы потолкуем выдумать что-нибудь национального, взятого из Жуковского или Пушкина сочинений».¹⁰ Представление состоялось 29 декабря 1829 г. Сюрпризом для зри-

⁶ Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910. С. 364. № 1496.

⁷ Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1962. Т. 9. С. 487 (примеч. И. М. Семенко); Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1977. Т. 9. С. 455 (примеч. И. М. Семенко).

⁸ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 3: 1829—1832. С. 529 (указатель к с. 217).

⁹ Русский архив. 1901. № 11. С. 355.

¹⁰ Там же. С. 379.

телей явилась маленькая пьеса, разыгранная Булгаковым и Никитой Всеволожским перед демонстрацией «живых картин».

Не вызывает сомнения, что в письме к невесте поэт пишет о Никите Всеволожском как о человеке, хорошо знакомом Наталье Николаевне. Подтверждение тому мы находим в письме к ней от 2 сентября 1833 г., в котором, описывая свое пребывание в Первопрестольной, Пушкин упоминает о Всеволожском с небольшим пояснением: «У него (А. Я. Булгакова. — А. К.) застал я его дочерей и Всеволожского le sosi <рогоносца — франц.>»,¹¹ который скачет из Казани к Вам в П<етер>Б<ург>» (XV, 77).

Если имя попутчика Пушкина устанавливается без особого труда, то определение имени второго лица из письма поэта требует специального рассмотрения.

Кто такой Никита Андреевич, купивший бричку Пушкину? В именном своде к изданию писем поэта под редакцией Б. Л. Модзалевского обозначено: «Козлов, Никита Андреевич, слуга А. С. Пушкина».¹² В Полном собрании сочинений издания «Academia — Гослитиздат» 1936—1938 гг. дается комментарий: «Никита Андреевич — Козлов».¹³ Оба пояснения не соответствуют действительности: отчество Никиты Козлова — Тимофеевич.

В указателе большого Полного академического издания принята попытка разрешить противоречие: «Никита Андреевич, ошибочно (?), см. Козлов, Н. Т.» (XIV, 489). Однако едва ли можно признать ошибку Пушкина в отчестве, когда он особо выделяет его вместе с именем по-русски во французском тексте письма.

В примечаниях к письмам Пушкина в малом Полном академическом собрании сочинений читаем: «Никита Андреевич — Козлов, крепостной слуга Пушкина».¹⁴ Тот же комментарий приводится и в десятитомном собрании пушкинских сочинений.¹⁵ Наконец,

¹¹ О неверности жены Никиты Всеволожского, Варвары Петровны, урожденной княжны Хованской, свидетельствует и сестра Пушкина (см.: Павлицева О. С. Письма к мужу и отцу. 1831—1837 / Пер. с франц. А. Л. Андрес и Н. М. Сперанской; Коммент. А. В. Вострикова, Е. В. Пермякова. СПб., 1994. С. 65).

¹² Пушкин А. С. Письма: В 3 т. М.; Л., 1928. Т. 2: Письма 1826—1830 / Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. С. 536.

¹³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л., 1938. Т. 6. С. 515.

¹⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1951. Т. 10. С. 704; То же: 2-е изд. М.; Л., 1958. Т. 10. С. 707; То же: 3-е изд. М., 1966. Т. 10. С. 709; То же: 4-е изд. Л., 1979. Т. 10. С. 553 (примеч. Л. Б. Модзалевского и И. М. Семенко).

¹⁵ Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1962. Т. 9. С. 487 (примеч. И. М. Семенко); Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1977. Т. 9. С. 455 (примеч. И. М. Семенко).

в словаре имен издания писем Пушкина к жене указано: «*Никита Андреевич* — слуга Пушкина». ¹⁶

Вызывает недоумение, что поэт называл своего слугу по имени и отчеству. Подобные случаи у Пушкина не встречаются. Наоборот, он всегда называет дядьку исключительно по имени: «Дай, Никита, мне одеться: / В митрополии звонят». ¹⁷ В письме к П. А. Осиповой от 8—9 января 1832 г., также написанном по-французски, Пушкин называет слугу *Nikita* (XV, 1, перевод: с. 311), в то время как во французском тексте письма к невесте выделяет по-русски имя и отчество. Исключительно по имени называют пушкинского слугу и знакомые поэта. Например, Ф. Ф. Вигель в письме к Пушкину от 8 октября 1823 г. обращается к поэту с просьбой: «Попросите от меня Никиту взять у портного платье» (XIII, 68), а князь В. С. Голицын в начале июня 1830 г., зайдя к Пушкину и не застав дома хозяина, завел разговор с его слугой: «Никитушка! скажи, где Пушкин царь-поэт?» (XIV, 107). ¹⁸

Еще более странным представляется сам факт, что поэт доверил слуге столь ответственное дело: крупную в денежном выражении покупку и выбор весьма значимого в долгой дороге надежного экипажа, который сразу же сломался.

Заметим, что Никита Андреевич был известен Наталье Николаевне, поэтому поэт не называет его по фамилии. Речь идет не о коротком пушкинском знакомом, а скорее об официальной персоне. Выскажем предположение, что Пушкин имеет в виду Никиту Андреевича Вейера (1786—1841). Купец 2-й гильдии Вейер, человек достаточно состоятельный, имел в Москве торговый дом. Одновременно Вейер был известным ростовщиком, с которым Пушкин и П. В. Нащокин вели денежные дела. Представляется вполне вероятным приобретение Вейером у каретника брички для путешествия поэта. Испытывая недостаток в средствах, Пушкин заложил у Вейера бриллианты жены — те самые «голкондские алмазы», полученные ею от матери и ранее уже выкупленные поэтом из заклада. В дневнике поэта под датой 8 января 1835 г. имеется следующая запись: «Выкупив бриллианты Н<аталии> Н<иколаевны>, заложенные в московском ломбарде, ¹⁹ я принужден был их перезало-

¹⁶ Пушкин А. С. Письма к жене. Л., 1986. С. 219.

¹⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2016. Т. 2. Кн. 2. С. 229.

¹⁸ Датировка письма, принятая в большом Полном академическом издании, уточнена (см.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 3. С. 545).

¹⁹ В связи с драгоценностями Натальи Николаевны необходимо внести ясность в еще один эпизод пушкинской жизни. В биографическом повествовании о жене поэта В. П. Старк писал: «Выкупить заложенные (в московском лом-

жить в частные руки, — не согласившись продать их за бесценок. Нынче узнаю, что бриллианты опять возвысились» (XII, 336). Поэт не назвал имени Вейера, его позднее укажет П. И. Бартенев, ссылаясь на рассказы Нащокина.²⁰ Выкупить драгоценности Пушкину было не суждено.

Прояснение фактов биографии Никиты Андреевича позволяет предположить знакомство Гончаровых и Вейера. Его отец Анри

барде. — А. К.) бриллианты удастся только в феврале 1832 года <...>. С ними Наталья Николаевна запечатлена на известном акварельном портрете работы Александра Павловича Брюллова, завершеном, таким образом, не ранее весны 1832 года, когда бриллианты были наконец доставлены в Петербург» (*Старк В. П. Жизнь с поэтом. Наталья Николаевна Пушкина: В 2 т. СПб., 2006. Т. 1. С. 388*). С данным утверждением трудно согласиться. В письме из Москвы от 16 декабря 1831 г. поэт сообщал жене: «Голкондских алмазов дожидаться не намерен, и в новый год выведу тебя в *бусах*» (XIV, 249; курсив мой. — А. К.). Очевидно, что драгоценности представляли из себя ожерелье — колье или бриллиантовый гарнитур, в который оно входило, но на известном портрете работы Брюллова на шее Натальи Николаевны украшений нет. Возможно, пушкинская избраница позировала в других драгоценностях или в закладе находились не все бриллианты, если речь шла о гарнитуре, а только колье, поэтому оно не представлено на акварели. По нашему мнению, портрет был создан за один или несколько сеансов уже в декабре 1831 г., до наступления Нового года, о чем свидетельствует и вопрос, прозвучавший в пушкинском письме к жене от 8 декабря: «Брюлов пишет ли твой портрет?» (XIV, 246). Акварель могла стать подарком поэту ко времени его возвращения в Петербург. Кроме того, 19 мая 1832 г. в семействе Пушкиных появился первенец — дочь Мария, что также сдвигает написание портрета на более раннее время. Едва ли отсутствие бриллиантов могло задержать окончание акварели, детали которой Пушкин наверняка оговаривал с Брюлловым еще до своего отъезда. Поэт не стал бы интересоваться работой художника, а поторопился скорее выкупить бриллианты, зная заранее, что дело будет стоять за отсутствием украшений. Как думается, Пушкин остался доволен работой художника, хотел и сам позировать (около 29 января поэт сообщал Нащокину: «Портрет мой Брюлов напишет на днях» (XV, 8)), а это, как известно, за ним редко водилось, и что вряд ли могло случиться, если бы к этому моменту он не любовался уже законченным портретом жены. Состоялся ли сеанс или сеансы — не известно. Портрет поэта, если он и был создан, до нас не дошел, однако 19 февраля Брюллов изобразил Пушкина среди литераторов на обеде, устроенном в честь новоселья книжной лавки А. Ф. Смирдина.

²⁰ В примечаниях к «Памятным заметкам Н. М. Смирнова» Бартенев писал, что Пушкин «должен был под жидовские проценты заложить некоему Вееру женины бриллианты, которых так и не выкупил. (Слышано от П. В. Нащокина)» (Русский архив. 1882. № 1. С. 232). Комментируя письма А. Я. Булгакова к брату, он замечает, что Пушкин «до того истратился, что пришлось ему заложить у еврея Веера женины бриллианты, которые потом и не были выкуплены (со слов П. В. Нащокина)» (Русский архив. 1902. № 1. С. 56). При публикации писем Нащокина к Пушкину Бартенев дал о Вейере следующую справку: «Московский ростовщик у Никитских ворот. Пушкин заложил ему бриллианты, которые не имел возможности выкупить» (Русский архив. 1904. № 11. С. 442).

Вейер (1759–1834) родился в Лотарингии и являлся сыном богатого торговца кожевенными изделиями. Обосновавшись в Москве, Анри Вейер в 1785 г. женился на Катрин-Софи Матис (1767–1832), дочери Базиля-Бенуа Матиса, скульптора при дворе Станислава Лещинского, которая приехала в Россию вместе с матерью Мари-Жанной, урожденной Гибаль.²¹ Анри Вейер поселился с женой в доме Никиты Акинфиевича Демидова (1724–1789), с которым поддерживал дружеские отношения. Демидов стал крестным сына Вейера, родившегося 27 сентября 1786 г. В честь крестного отца и его собственного сына мальчику дали двойное имя Никита-Николай (Nicetas-Nicolas). В 1793 г. Вейеры покинули Россию и вернулись на родину во Францию. В двадцатилетнем возрасте Никита Вейер приехал в Россию, где женился на Анне Петровне Евреиновой (1779–1849), тетке В. П. Зубкова. У них родился сын Андрей (1810–1836). Никита Андреевич стал доверенным лицом теперь уже Николая Никитича Демидова (1773–1828), жена которого, Елизавета Александровна, урожденная баронесса Строганова (1779–1818), приходилась двоюродной сестрой Наталье Ивановне Загряжской-Гончаровой. Данное обстоятельство делает вполне вероятным предположение, что Гончаровы хорошо знали Вейера и пользовались его услугами. Тем более Никита Андреевич проживал по соседству с Гончаровыми,²² в собственном доме у Никитских ворот.²²

В 1820-е гг. Вейер исполнял обязанности вице-консула Франции в Москве.²⁴ Любопытно отметить, что он стал одним из персонажей романа А. И. Герцена «Былое и думы», где, словно по иронии судьбы, его имя вновь упоминается в связи с дорогой и путешественником. В XXXIII главе романа есть эпизод, повествующий о том, как «приехал в Москву с Кавказа какой-то путешественник, легитимист шевалье Про. Он был в Персии, в Грузии, много видел и имел неосторожность сильно критиковать тогдашние военные действия на Кавказе и особенно администрацию. Боясь, что Про будет то же говорить в Петербурге, генерал-губернатор кавказский благоразумно написал военному министру, что Про — преопасный

²¹ О родственных связях матери Н. А. Вейера см: *Чудинов А. В.* Опыт родословной А. О. Жонес-Спонвиля, главноуправляющего демидовских заводов // *Известия Уральского федерального университета.* Сер. 2. Гуманитарные науки. 2015. № 3 (142). С. 148, 151.

²² Ныне участок, занимаемый домами 48–50 по Большой Никитской улице.

²³ Современный адрес: Малая Никитская улица, дом 13.

²⁴ *Les Français en Russie au siècle des Lumières / Sous dir. de A. Mézin et V. Rjéoutski.* Ferney-Voltaire, 2011. Т. 2. P. 834–835.

военный агент со стороны французского правительства. Про жил преспокойно в Москве и был хорошо принят князем Д. В. Голицыным, как вдруг князь получил приказ отправить его с полицейским чиновником из Москвы за границу. <...> Голицын был, вообще, очень порядочный человек и потому затруднен; он послал за Вейером, французским консулом, чтоб посоветоваться, как быть. Вейер нашел *exrédient* <выход — *францу.*>: он потребовал полицейского, хорошо говорящего по-французски, и обещал его представить Про как путешественника, просящего уступить ему место в коляске Про за половину прогонов. С первых слов Вейера Про догадался, в чем дело.

— Я не торгую местами в моей коляске, — сказал он консулу.

— Человек этот будет в отчаянии.

— Хорошо, — сказал Про, — я его беру даром, за это пусть он возьмет на себя маленькие услуги. Да не капризник ли это какой? Я его тогда брошу на дороге.

— Самый услужливый в мире человек, вы просто распоряжайтесь им. Я вас благодарю за него. — И Вейер поскакал к князю Голицыну объявить о своем торжестве». ²⁵

В 1831 г. Пушкин принял на себя денежные обязательства по нащокинским векселям, выданным Вейеру.²⁶ Около 25 февраля 1833 г., обеспокоенный тяжелым материальным положением Нащокина, поэт писал другу: «Что твои дела? За глаза я всё боюсь за тебя. Всё мне кажется, что ты гибнешь, что Веер тебя топит <...> Дай бог мне зашибить деньгу, тогда авось тебя выручу» (XV, 50). Как видим, несмотря на давние денежные дела с Вейером, отношения между ним, Пушкиным и Нащокиным не выходили за границы деловых.

²⁵ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 9. С. 214–215.

²⁶ См.: Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.: Л., 1935. С. 800–802; Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содержания. Официальные документы. 2-е изд., перераб. // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 19 т. М., 1997. Т. 17. С. 653–655; Александр Сергеевич Пушкин: Документы к биографии. 1830–1837. СПб., 2010. С. 183–185.